

Order of Eternal Equirlberlium

Order of Eternal Equilrrlium

A5

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Daniel Maro

Order of eternal Equilibrium

<https://litres.ru/74030561>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дэвис Джексон Стюарт очнулся с пробитыми ногами в старом неизвестном подвале, расположенном в глуши Техаса на одной из отдаленных ферм. Он прикован наручниками и не может сдвинуться с места. Что может быть хуже этого ? Но он еще не знает, кто обитатели этого места.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Daniel De Maro

Order of eternal Equilibrium

Глава

ОРДЕН ВЕЧНОГО ЭКВИЛИБРИУМА

ЧАСТЬ 1: ПЛЕН

Глава 1: Пробуждение в капкане

Сознание возвращалось медленно, словно пробивалось сквозь толстый слой липкого, чёрного мазута. Первым, что заставило Дэвиса Джексона Стюарта распахнуть глаза, был запах. Это был не просто неприятный душок — это был концентрированный, удушливый смрад, от которого мгновенно сжался желудок. Пахло застарелой кошачьей мочой, разлагающейся в углу гнилой картошкой, сыростью глубокого подzemелья и ржавым, металлическим ароматом подсохшей крови.

Дэвис попытался рвануться вперед, но руки резко дернуло назад и вверх. Раздался тяжелый, резкий металлический звон, скрежетнувший по ушам. Запястья были стянуты грубыми, ржавыми наручниками, от которых толстая цепь уходила к водопроводной трубе, проходящей под самым потолком. Он сидел на ледяном, склизком бетонном полу, покры-

том липкой грязью.

— Какого чёрта... — прохрипел Дэвис, но собственный голос показался ему чужим, сорванным и сухим, как пустынный песок.

Он инстинктивно попытался опереться на ноги, чтобы подняться, и в ту же секунду подвал огласил его дикий, утробный крик. Боль не просто обожгла — она ослепила. Вспышка перед глазами была такой силы, что сознание едва не уплыло обратно в спасительную темноту. Перед глазами поплыли багровые круги.

Тяжело, прерывисто дыша и роняя слюну на бетон, Дэвис медленно опустил голову. Его брюки на бедрах и голених были разорваны в клочья и насквозь пропитаны тёмной, почти чёрной кровью. В обеих ногах зияли ровные, сквозные раны. Кто-то хладнокровно, с профессиональной точностью забойщика скота пробил его конечности толстым строительным штырем. Бежать было невозможно. Подняться — выше человеческих сил. Он был обездвижен и заперт в бетонной коробке.

Сверху, под неровным потолком, мерно покачивалась тусклая лампочка-сороковка, бросая уродливые, ломаные тени на покрытые серой плесенью стены. Единственным выходом из этого склепа была тяжелая дубовая дверь на самом верху прогнившей деревянной лестницы.

Вдруг где-то наверху раздался глухой, зловещий скрип.

Дверь медленно отворилась, и в подвал хлынул поток жел-

того, домашнего света. По деревянным ступеням зашаркали тяжелые, уверенные шаги. С каждым этим звуком сердце Дэвиса стучало в ушах всё сильнее, словно готовое пробить грудную клетку.

На лестнице появилась хозяйка этого места.

Ей было около сорока, но выглядела она как порождение уродливого сна. Жирные, давно не мытые волосы свисали грязной паклей, обрамляя серое, пористое лицо, покрытое бурыми пигментными пятнами. Из-под засаленного, покрытого темными потеками кухонного фартука торчали массивные, синюшные руки с траурной каймой грязи под ногтями. Губы женщины были криво, почти до ушей, размазаны дешевой помадой ядовито-красного цвета, что делало её похожей на безумного клоуна. В руке она сжимала щербатую эмалированную миску, от которой поднимался сизый пар. Это была Лорен.

— Проснулся, городской красавчик? — её голос прозвучал как скрежет ржавой пилы по сухому дереву. Она растянула губы в желтозубой улыбке, обдав подвал запахом перегара и дешёвого табака. — А я уж грешным делом подумала, что переборщила с каплями. Ну ничего, ножки поболят и перестанут. Главное — теперь ты дома. Теперь ты никуда от мамочки Лорен не уйдешь.

Дэвис рванулся, цепь жалобно звякнула, а в ногах снова вспыхнул адский огонь. Лорен опустилась на корточки в паре шагов от него, и Дэвис разглядел лопнувшие сосуды в её

мутных глазах.

Вдруг на верхней ступеньке лестницы, прямо в дверном проеме, возник еще один силуэт.

Это была девушка лет девятнадцати. Бледная, с правильными, почти аристократическими чертами лица и длинными светлыми волосами, она казалась бы ангелом, если бы не её взгляд — пустой, остекленевший, с едва заметными искрами потаенного, извращенного любопытства. На ней было легкое ситцевое платьице. Она смотрела на прикованного Дэвиса сверху вниз, медленно облизывая пересохшие губы. Это была Сьюзен.

Лорен заметила взгляд пленника, обернулась и грубо рывкнула:

— А ну пошла наверх, девка! Живо! Нечего на жениха раньше времени пялиться, иди ужин согрей, скоро начнем!

Сьюзен вздрогнула, издала тонкий, визгливый смешок, который никак не вязался с её ангельской внешностью, и мгновенно растворилась в темноте дома. Дубовая дверь захлопнулась с глухим стуком. Щёлкнул тяжелый внешний засов.

Лорен повернулась к Дэвису, с силой пнула носком стоптанного башмака эмалированную миску, пододвигая её прямо к его коленям. Внутри колыхалась серая, склизкая жижа.

— Жри давай, Стюарт, — просипела она, наклоняясь так близко, что Дэвис почувствовал её липкое дыхание. — Силы тебе понадобятся. Нам со Сьюзен от тебя много чего нужно.

У нас на тебя большие планы.

Глава 2: Законы фермы

Скрежет массивного засова наверху прозвучал как выстрел. Дэвис Джексон Стюарт остался один в удушливой полутьме. Мерный, едва заметный стук капель где-то в углу подвала отсчитывал секунды его нового, извращенного существования.

Каждое движение отзывалось в теле глухими ударами. Строительные штыри, прошедшие сквозь мышцы обеих ног, лишили его малейшего шанса на сопротивление. Кровь на джинсах запеклась, намертво приклеив ткань к рваным краям ран. Дэвис стиснул зубы так, что на ободранных губах выступила солоноватая влага. Он заставил свой мозг работать, отсекая панику. Если эти две сумасшедшие суки думают, что он сломается и начнет выть, они хреново знают Стюартов.

Прошло около двух часов. Лампочка над головой продолжала раскачиваться от сквозняка, пуская по серым стенам уродливые тени. Серая жижа в миске покрылась тонкой пленкой и выглядела омерзительно. Дэвис даже не прикоснулся к ней.

Вдруг наверху послышался деликатный, почти кошачий шорох. Внешний замок открылся без того оглушительного грохота, с которым это делала Лорен.

Тяжелая дубовая дверь приоткрылась всего на пару дюймов. Свет в доме уже был приглушен — на дворе стояла

глухая тexasская ночь 1970-го года, и ферма погрузилась во мрак. На верхнюю ступеньку босыми ногами ступила Сюзен. В ее руках была стеклянная бутылка из-под кока-колы, наполненная мутной водой, и чистая холщовая тряпка.

Она спускалась медленно, плавно покачивая бедрами в своем легком ситцевом платье. В тусклом свете сороковки ее бледное, точеное лицо казалось фарфоровым. Девочка-картинка с обложки журнала, если бы не дикий, расфокусированный блеск в глазах.

Она опустилась на колени прямо перед Дэвисом, проигнорировав липкую грязь на бетоне. Из нее пахло дешевой пудрой и сладковатым, приторным ароматом полевых цветов.

— На, попей, городской, — прошептала она. Ее голос, тонкий и нежный, контрастировал со скрежетом ее матери. — Пей быстрее, пока мамочка во дворе возится. Она тебе в миску крысиного мора подмешала, чтобы ты вялым был и не брыкался. Не трогай ее стряпню.

Дэвис жадно припал к горлышку бутылки. Цепь над головой натянулась, ржавые звенья врезались в запястья, но холодная вода вернула мыслям четкость. Он оторвался от бутылки, тяжело дыша, и впился взглядом в лицо девчонки.

— Зачем... зачем вы это делаете? Что это за место? — прохрипел он.

Сюзен тихо, приглушенно рассмеялась, и этот смех заставил кожу Дэвиса покрыться мурашками. Она протянула

руку и тонкими, холодными пальцами нежно провела по его окровавленной голени, прямо возле сквозной раны. Дэвис вздрогнул от вспышки боли, но не отвел взгляда.

— Это наша ферма, Дэвис. Вокруг на мили — только выжженная трава и кукуруза. Никто тебя здесь искать не будет, — она приблизила свое лицо к его лицу так близко, что он разглядел расширенные, безумные зрачки. — Моя бабка так деда здесь держала. Мама папочку моего в этом подвале три года мариновала, пока он не сдох. Теперь моя очередь. Мама сказала, ты породистый. Сильный. Городской аристократ. Ты сделаешь мне ребенка, Дэвис. Прямо здесь. А если будешь плохо себя вести... мама отрежет тебе что-нибудь лишнее. Она умеет, я видела.

В ее голосе не было страха перед матерью или раскаяния. Это была чистая, наследственная шизофрения, завернутая в оболочку невинной девятнадцатилетней девушки. Она наслаждалась его беспомощностью не меньше, чем Лорен.

Вдруг со двора донесся тяжелый стук закрывающейся входной двери дома. Шаги Лорен — грубые, шаркающие — начали приближаться к кухне.

Сьюзен резко вскочила, ее лицо исказилось предвкушением чего-то жуткого. Она выхватила бутылку из рук Дэвиса, мазнула ладонью по его груди, оставляя грязный след, и прошептала:

— Мама идет. Пора играть свадьбу, милый.

Она пулей взлетела по деревянной лестнице, скрывшись

за дверь. Засов на этот раз не закрыли. Наверху послышался глухой, зловещий смех двух женщин и шорох тяжелых вещей, которые они начали волочь к спуску в подвал.

Глава 3: Свадебный перформанс

Дверь подвала распахнулась от удара ноги. Тяжелый дубовый массив с грохотом врезался в стену, и на лестнице оказалась Лорен. Дэвис Джексон Стюарт, собрав остатки воли, заставил себя смотреть прямо на нее. Но то, что он увидел, выходило за рамки обычного человеческого понимания. Это был спланированный, извращенный гротеск.

На Лорен было надето старое, пожелтевшее от времени и покрытое бурыми пятнами свадебное платье. Из-за её массивного, бесформенного тела швы на талии и груди с треском разошлись, обнажая серую пористую кожу. На голове косо сидела полусгнившая фата, сквозь которую проглядывали сальные, невымытые волосы. Она криво, почти до самых ушей, намазала губы ярко-красной помадой. В правой руке сорокалетняя фурия сжимала огромный ржавый топор для рубки мяса, а в левой перла тяжелый кассетный магнитофон, при-тащенный из дома.

Следом за ней спускалась Сьюзен. Но её недавняя скромность окончательно испарилась. На девчонке было натянуто вульгарное, кричащее диско-платье её матери, оставшееся со времен конца шестидесятых. Оно едва прикрывало бедра. Лицо девчонки было уродливо и густо измазано дешевыми

румянами и тенями. В руках она бережно несла треснувшую фарфоровую супницу, от которой шел невыносимый шлейф тухлятины.

Лорен с грохотом опустила магнитофон на грязный деревянный табурет в углу подвала и с размаху ударила по кнопке воспроизведения.

Из зажеванных динамиков на весь подвал раздался хриплый, искаженный марш Мендельсона, тонущий в белом шуме и щелчках старой ленты. Звук бил по ушам, отражаясь от сырых бетонных стен.

— Ну что! Горько! — взывала Лорен, дико и страшно хохоча. Её глаза, налитые кровью, горели абсолютно шизофреническим блеском. — Встречай невесту! У нас на ферме всё по закону! Все традиции чтим!

Она начала медленно кружить вокруг прикованного Дэвиса, потрясая топором. Лезвие со свистом рассекало воздух в считанных дюймах от его лица, но Стюарт даже не моргнул. Он понимал: перед ним две абсолютно поехавшие, опасные психопатки, и любое проявление страха только подстегнет их животные инстинкты.

Сьюзен с хищной, застывшей улыбкой подошла вплотную. Она опустилась на колени перед Дэвисом, едва не касаясь своим лицом его подбородка. Из супницы, которую она держала, пахло сырым, наполовину сгнившим мясом, вокруг которого уже вились подвальные мухи.

— Попробуй каравай, милый, — пропела она извращен-

ным, приторным голосом, поднося кусок гнили прямо к его плотно сжатым губам. — Мама сама выбирала. Специально для нашей первой брачной ночи.

— Жри, городской, кому сказано! — рывкнула Лорен, резко опустив обух топора на бетон прямо между разорванных, окровавленных ног Дэвиса. Осколки камня брызнули ему в лицо. — А не то я тебе сейчас вторую пару дырок в коленях организую! Сьюзен, девка, целуй мужа! Занимайся им!

Сьюзен издала тонкий, визгливый смешок. Визг магнитофона, безумный вид сорокалетней бабы в трещащем по швам свадебном платье и леденящий душу взгляд девятнадцатилетней психопатки превратили подвал в филиал ада на земле. Дэвис был зажат в тиски. Но пока они упивались своим триумфом, его холодный, чистый разум уже начинал выстраивать единственно возможный план спасения. Чтобы выжить среди безумцев, нужно было принять их правила игры.

Глава 4: Тактика Стюарта

В этот момент в голове Дэвиса Джексона Стюарта окончательно выстроилась ледяная, чистая логика. Если он продолжит дергаться, рвать ржавую цепь и плевать этим сукам в рожи, Лорен просто перерубит ему топором сухожилия, оставив гнить на этом бетоне до конца дней. Чтобы переиграть психопаток, нужно было самому стать частью их безумного сценария. Усыпить бдительность, сломать их ожидания

и заставить поверить, что городской аристократ полностью сломлен.

Дэвис резко расслабил все мышцы. Его тело обмякло, ржавая цепь над головой перестала звенеть. Превозмогая дикую тошноту от запаха тухлятины, он заставил свои губы растянуться в бледной, покорной улыбке. Он посмотрел прямо в расширенные зрачки Сюзен.

— Ладно... — его голос прозвучал тихо, но твердо. — Ладно, вы победили. Смысла брыкаться больше нет. Ноги пробиты, вокруг на мили ни души. Да и девка ты... чертовски горячая, Сюзен, если смыть эту дешевую краску. Давай сюда свою свадьбу. Я согласен.

В подвале на долю секунды повисла мертвая тишина. Даже зажеванный марш Мендельсона из динамика словно зазвучал тише. Лорен удивленно прищурила свои мутные, желтоватые глаза, переводя взгляд с топора на пленника. А затем сорокалетняя фурия разразилась оглушительным, утробным хохотом, от которого задрожали деревянные ступени лестницы.

— Ишь ты, дочка! — взвыла Лорен, хлопая себя ладонями по жирным бедрам, отчего швы пожелтевшего свадебного платья затрещали еще сильнее. — Понял городской пижон, где его счастье! Сдался голубчик! Ну-ка, Сюзен, бери своего жениха, пока он тепленький!

Сюзен от его слов пришла в состояние дикого, экстатического иступления. Тот факт, что породистый городской па-

рень сам капитулировал перед ней, превратил её извращенное любопытство в абсолютную животную страсть. Она издала тонкий, визгливый смешок, резко швырнула подол своего короткого платья вверх и с силой запрыгивала прямо на Дэвиса, оседлав его бедра.

Вспышка адской боли от пробитых ног едва не заставила Дэвиса отключиться — весь вес девчонки пришелся прямо на растерзанные штырями мышцы и запекшуюся кровь. В глазах поплыли кровавые пятна. Но Стюарт лишь крепче сжал ржавые кольца цепи, стиснул зубы до крошева и заставил себя хрипеть ей в ответ слова одобрения. Он симулировал страсть, двигаясь ей навстречу под хрип кассетного магнитофона, пока внутри него крепла ледяная, расчетливая ненависть.

Сьюзен двигалась на нем дико, ритмично, выгибаясь всем телом и кусая свои губы до крови, упиваясь своей абсолютной властью над прикованным Стюартом. Её светлые волосы летали из стороны в сторону, пачкаясь в подвальной грязи. Лорен стояла рядом, тяжело дыша, и подбадривала дочку мерзкими, сальными выкриками, превращая этот подвал в филиал преисподней.

Дэвис полностью отключил мозг от собственного тела, воспринимая происходящее как чисто механический процесс. Он подыгрывал ей, стонал тогда, когда она хотела это слышать, выдавая стоны боли за стоны удовольствия. На пике этого изнурительного, извращенного марафона произо-

шло неизбежное — его тело среагировало на физиологическом уровне, и он излился глубоко внутрь девчонки, оплодотворяя Сьюзен прямо на грязном бетонном полу.

Сьюзен издала протяжный, победный вопль и бессильно упала всей грудью на Дэвиса, тяжело и прерывисто дыша, размазывая дешевую тушь по его шее.

— Всё, мамочка... — прошептала она с пугающим, сытым умиротворением в голосе. — Всё сделано. Теперь он наш. Теперь у нас будет ребенок.

Лорен довольно кивнула, убрала топор за пояс и подошла к Дэвису вплотную. Игра в покорность сработала на все сто процентов. Старуха достала из кармана засаленного фартука старый ключ и со щелчком разомкнула наручники на водопроводной трубе, оставив тяжелую цепь висеть только на запястьях Стюарта.

— Ну, зятек, — просипела Лорен, обдав его перегаром. — Первую обязанность ты выполнил. Теперь закон нашей фермы тебя оберегает, пока дочка плод носит. Будешь паинькой — подлечим твои ножки. А сейчас — отдыхай.

Они обе, удовлетворенные и уставшие, собрали свои вещи и кассетный магнитофон. Сьюзен бросила на Дэвиса долгий, теперь уже по-настоящему хозяйский, собственнический взгляд, и они поднялись по лестнице. Тяжелая дубовая дверь закрылась, щелкнул замок, снаружи навесили массивный засов. В подвале снова наступила гробовая тишина.

Дэвис остался лежать на бетоне. Руки больше не были

прикованы к потолку, хотя цепь всё еще сковывала запястья. Самый мерзкий этап был пройден — они получили то, что хотели, и теперь гарантированно ослабят бдительность, считая его своим ручным псом.

Глава 5: Хозяйские ласки

Тяжелый засов снаружи грохнул на рассвете. Дэвис даже не спал — он мерил время по частоте пульсации в пробитых ногах. Цепь на его запястьях тихо звякнула, когда дубовая дверь наверху приоткрылась, впуская утренний свет, перемешанный с кухонным чадом. Пахло жареным беконом и дешевым топленым жиром.

По ступеням спустилась Сьюзен. На этот раз на ней не было праздничного шмотья — обычный рабочий комбинезон на голое тело, испачканный в мазуте и навозе. Косметику она смыла, и её лицо снова стало лицом невинной девчушки из церковного хора, если бы не плотоядный, оценивающий прищур. В руках она несла старую алюминиевую миску с собачьим кормом, размоченным в теплой воде, и тяжелую железную щетку для чистки скота.

Лорен осталась стоять на верхней площадке, опершись на дверной косяк и лениво посасывая самокрутку. В её руках по-прежнему покоился мясной топор. Она наблюдала.

Сьюзен подошла к Дэвису вплотную. Она не стала опускаться на колени — она просто швырнула миску с похлебкой к его разорванным штанинам, так что серая жижа выплесну-

лась на его обнаженную кожу.

— Доброе утро, милый, — приторно протянула она, наступая носком своего тяжелого, облепленного грязью рабочего ботинка прямо на его левое бедро, чуть выше пробитого штырем отверстия. Она перенесла часть веса на ногу, слегка покачиваясь. — Мама сказала, что хорошего коня нужно держать в чистоте. Ты теперь у нас домашний.

Дэвис почувствовал, как к горлу подступает горячая волна боли, а кость в ноге жалобно затрещала под её подошвой. Но он помнил правила своей игры. Он не закричал. Он лишь приоткрыл глаза, заставляя себя смотреть на неё снизу вверх с тяжелым, но покорным обожанием. Он медленно протянул скованные цепью руки и коснулся её грязного голенища.

— Спасибо за завтрак, Сьюзен, — хрипло произнес он, сглотнув сухую слюну. — Ноги адски горят. Помогите мне.

Девчонка довольно замурлыкала от его тона. Её забавляло это абсолютное бессилие рослого, некогда гордого городского парня. Она убрала ногу с его бедра, но тут же грубо схватила его за волосы, дернув голову Дэвиса назад, так что его затылок с силой впечатался в сырую бетонную стену.

— Помочь? Конечно, я помогу своему мужчине, — хихикнула она.

Сьюзен зачерпнула пальцами склизкую жижу из собачьей миски и с силой размазала её по его лицу, щекам и подбородку, словно наносила крем. Дэвис терпел, удерживая дыхание через нос, не позволяя ни одному мускулу на лице дрог-

нуть от отвращения. Лорен наверху довольно ухмыльнулась и сплюнула на ступени темную табачную слюну.

Затем Сьюзен взяла железную щетку. Без малейшей жалости, резкими, хозяйскими движениями она начала тереть его грудь и плечи, сдирая верхний слой кожи вместе с грязью и запекшейся кровью. Металлические зубья оставляли глубокие белые полосы, которые тут же наливались багровым. Это была чистая, неприкрытая дрессировка — так объезжают строптивых жеребцов, показывая, кто здесь истинный владелец.

— Какой ты послушный, Дэвис, — шептала она ему на ухо, продолжая скрести щеткой по его телу. — Мама говорила, что городские быстро ломаются, а я не верила. Думала, ты будешь выть. А ты умница. Будешь хорошим мальчиком — вечером я принесу тебе нормальной еды. Из маминой тарелки.

Она закончила «чистку», поднялась и смахнула капли его крови со своего комбинезона. Дэвис лежал на бетоне, тяжело дыша, покрытый ссадинами и грязью, но его глаза оставались спокойными и покорными. Он заставил их поверить, что его воля стерта в порошок.

Сьюзен повернулась и пошла к лестнице. Лорен сделала шаг назад, освобождая проход, и дубовая дверь снова закрылась, погружая подвал в привычную полутьму.

Дэвис медленно поднял свободные от трубы руки и вытер рукавом куртки жису с глаз. На его губах заиграла едва за-

метная, ледяная ухмылка. Они думали, что унизили его и подчинили своей воле. Они думали, что он стал скотом. Но на самом деле, сдирая с него кожу, Сьюзен даже не заметила, как из её кармана на грязный пол выпал маленький, погнутый стальной штырь для чистки форсунок трактора, который она использовала наверху.

Пальцы Дэвиса нащупали холодный металл в грязи. У него появился первый инструмент.

Глава 6: Работа впотьмах

В подвале снова воцарилась глухая, удушливая тишина. Как только шаги Лорен и Сьюзен затихли где-то в недрах дома, Дэвис Джексон Стюарт сжал в кулаке обломок стального штыря. Металл был холодным, острым и пах машинным маслом — идеальный инструмент для человека, у которого отобрали всё, кроме воли.

Дэвис тяжело повернулся на правый бок. Каждое смещение тела отзывалось глухим, разрывающим эхо в пробитых ногах, но он даже не поморщился. Он научился загонять эту боль в самый дальний угол своего сознания, превращая её в чистое топливо для ненависти.

Он поднял скованные руки к лицу. Тусклый свет одинокой лампочки-сороковки едва выхватывал замочную скважину на старых американских наручниках марки Peerless. С такими Стюарту уже приходилось иметь дело. Механизм был простым, без двойной блокировки — обычная подпру-

жиненная защелка.

Дэвис закусил губу, вставил изогнутый кончик тракторного штыря в узкую щель замка левого запястья и замер, прислушиваясь. Наверху, за тяжелым деревянным потолком, глухо завывал тexasский ветер, перемежаясь с отдаленным скрипом половиц. Бабы были заняты своими делами. Они были уверены, что их «городской жеребец» послушно жует псарскую похлебку.

Щелк.

Звук был почти неощутимым, но металлическая дужка на левой руке подалась назад. Дэвис медленно вытащил кисть. На запястье остался глубокий, сине-багровый кровоподтек от ржавого обода, но рука была свободна. Он тут же аккуратно прикрыл наручник обратно, не защелкивая его до конца, чтобы при беглом осмотре всё казалось целым. Правую руку он трогать не стал — свободный левый замок давал ему возможность мгновенно освободиться в нужный момент, но сохранял видимость полного контроля для его мучительниц.

Теперь нужно было разобраться с ногами. Дэвис аккуратно дотянулся до разорванной штанины. Строительные штыри прошли аккуратно между берцовыми костями, разворотив мягкие ткани. Раны воспалились, края опухли и горели, но кости, к счастью, были целы — Лорен била аккуратно, как заправский мясник, чтобы не лишить игрушку жизнеспособности.

Дэвис взял холщовую тряпку, которую Сьюзен бросила на

пол во время своей извращенной «чистки», и зубами разорвал её на несколько длинных полос. Максимально тихо, стараясь не звенеть свободной частью цепи, он туго перевязал голени, стягивая рваные края мышц, чтобы остановить сочащуюся сукровицу и придать ногам хоть какую-то фиксацию. Ходить он не мог, но теперь он мог ползти. И если потребуется — совершить один, последний, взрывной рывок.

Время близилось к полудню. Дэвис улегся обратно в грязь, вернув левую руку в незапертый браслет и приняв позу сломленного, измученного животного.

Вдруг наверху, прямо над его головой, раздался пронзительный, визгливый женский крик. Это была Сюзен. Но в её голосе не было привычного извращенного веселья — это был яростный, бешеный визг. Следом послышался глухой удар, словно тяжелое тело обрушилось на пол, и страшный, надрывный кашель Лорен.

— Ах ты тварь мелкая! — прохрипел старый голос Лорен сквозь потолочные щели. — Ты что в суп плеснула?! Думала, мамочка не заметит?!

Наверху началась дикая, сумбурная возня. Психопатки начали рвать друг друга на части. Их хваленая «семейная идиллия» трещала по швам из-за их собственного тотального безумия. И для Дэвиса Джексона Стюарта это был лучший подарок.

Глава 7: Раздел имущества

Звуки бойни наверху становились всё громче. Дэвис лежал неподвижно, зафиксировав левую кисть в незапертом стальном браслете. Сквозь щели гнилого потолка сыпалась вековая пыль, смешанная с сухой штукатуркой. Слышался треск ломающейся мебели, визг Сьюзен и тяжелая, глухая брань Лорен. Две психопатки рвали друг друга с яростью диких собак, деля власть на этой Богом забытой ферме.

Наконец, наверху раздался финальный, оглушительный удар, за которым последовал протяжный стон, и всё стихло. На несколько минут в доме воцарилась зловещая тишина.

Затем послышался знакомый скрежет. Тяжелый засов дубовой двери отлетел в сторону. Дверь распахнулась, и на лестницу кубарем скатилась Сьюзен. Её ситцевое платье было разорвано на плече, на щеке наливался багровый кровоподтек, а из разбитой губы сочилась темная струйка. Но в её глазах не было страха — там горело абсолютно дикое, торжествующее безумие.

Следом за ней, тяжело и медленно, спускалась Лорен. Старуха прижимала грязное полотенце к предплечью, сквозь которое быстро проступала кровь. В правой руке она по-прежнему мертвой хваткой сжимала ржавый топор.

— Сюда иди, сучка! — прохрипела Лорен, грубо хватая дочь за волосы прямо на ступенях и швыряя её вниз, на бетонный пол, в паре футов от Дэвиса.

Сьюзен упала, но тут же перевернулась на спину и безумно захихикала, вытирая кровь с губы тыльной стороной ла-

дони.

— Она хотела отравить меня, Дэвис! — завизжала девчонка, ползя на коленях к прикованному Стюарту и прячась за его спину, словно ища защиты у привязанного к стене скота. — Старая карга испугалась, что ребенок родится, и я стану здесь хозяйкой! Она подсыпала мне мышьяк в чай!

Лорен тяжело ступила на бетон. Её засаленное свадебное платье было покрыто новыми пятнами — на этот раз свежей крови её собственной дочери. Старуха проигнорировала крики Сьюзен. Она подошла вплотную, тяжело дыша перегаром прямо в лицо Дэвису, и опустила лезвие топора ему на плечо. Не рубящим ударом, а медленным, давящим движением, заставляя холодную сталь врезаться в кожу через куртку.

— Слушай меня сюда, городской, — сипло произнесла Лорен, и её лицо перекосилось от злобы. — Девка совсем с катушек съехала. Бабкина порода, чистая шизофрения. Думает, если она понесла от тебя, то теперь может командовать на этой ферме. Но жеребец — мой. Я тебя поймала, я тебя привезла. И решать, когда ты будешь её топтать, а когда работать, буду только я.

Сьюзен сзади Дэвиса резко подалась вперед. Она бесцеремонно, по-хозяйски впиалась ногтями в его бока, обхватывая его руками сзади, словно вещь, которую у неё пытаются отобрать. Её пальцы глубоко вдавливались в свежие ссадины, оставленные железной щеткой, причиняя тупую, изну-

ряющую боль, но Дэвис продолжал держать лицо. Его взгляд оставался покорным, тусклым и согласным.

— Он мой муж, мама! Ты сама устроила свадьбу! — кричала Сьюзен ему в затылок, обдавая шею горячим дыханием. — Его кровь теперь принадлежит мне! И ребенок в моем животе — хозяин этого подвала!

Лорен внезапно перехватила топор и с силой наотмашь ударила Сьюзен тыльной стороной ладони по лицу. Девчонка отлетела к стене, глухо ударившись затылком, но не перестала ухмыляться.

Старуха снова повернулась к Дэвису. Она наклонилась так близко, что её сальная фата коснулась его лба.

— Ты ведь умный мальчик, Дэвис Джексон Стюарт, — прошептала Лорен, и её грязный палец с траурной каймой под ногтем медленно прошелся по его щеке, размазывая остатки утренней псарской жижи. — Ты ведь понимаешь, кто здесь настоящая мамочка? Кому ты должен подчиняться, чтобы твои ножки когда-нибудь снова зашагали по чистой американской траве? Скажи ей. Скажи этой мелкой дряни, кто твой хозяин.

Дэвис медленно поднял глаза на Лорен. Внутри него все горело от ненависти и отвращения, но план требовал абсолютной покорности перед сильным игроком. Он слегка наклонил голову, признавая её доминирование.

— Ты главная, Лорен, — тихо, разбитым голосом произнес он. — Я делаю только то, что ты велишь. Сьюзен для ме-

ня — просто инкубатор. Позаботься о моих ногах, и я сделаю всё, что ты захочешь.

Лорен довольно зажмурилась, словно сытая кошка, и победно поглядела на притихшую у стены Сьюзен. Раскол в их безумной семье был оформлен официально. Дэвис Джексон Стюарт успешно разделил их, сделав первый, самый важный шаг к тому, чтобы на этой ферме остался только один выживший — он сам.

Глава 8: Клеймо мамочки

Лорен стояла над Дэвисом, тяжело дыша, и в удушливом воздухе подвала её победный оскал казался окончательным приговором. Слова Стюарта о полном подчинении подействовали на сорокалетнюю фурию именно так, как он и рассчитывал: её уродливое эго раздулось до пределов этой бетонной коробки.

— Слышала, сучка мелкая? — Лорен даже не повернулась к Сьюзен, которая продолжала сидеть у стены, размазывая кровь по лицу и дико, затравленно зыря на мать. — Пошла вон отсюда. Наверх. Живо, пока я тебе детородные органы этим топором не пересчитала.

Сьюзен медленно поднялась. В её глазах, кроме безумия, теперь горела жгучая, животная ревность к матери. Она бросила на Дэвиса долгий, обещающий скорую расправу взгляд, сплюнула на ступени и бесшумно, как змея, уползла наверх. Дубовая дверь захлопнулась. Лорен повернула засов изнут-

ри. Они остались одни.

Старуха повернулась к Дэвису.

— Ну что, зятек... — Лорен отбросила мясной топор в сторону. Металл с глухим звоном ударился о бетон. — Надо закрепить наш уговор. По-нашему, по-хозяйски. Чтобы ты до конца своих дней помнил, чья рука тебя кормит и чья воля твоей жизнью распоряжается.

Она начала медленно, с трудом стягивать с себя засаленное, разорванное по швам свадебное платье. На Дэвиса пахнуло концентрированным смрадом немытого тела, старого пота, табачного перегара и гнойного мазута от её раненой руки. Её бесформенное, серое тело, покрытое пигментными пятнами и дряблыми складками, выглядело в тусклом свете покачивающейся лампочки как оживший кошмар анатомического театра.

Дэвис почувствовал, как к горлу подкатывает ледяная, удушливая волна тошноты. Весь его аристократический дух, вся его человеческая природа кричали о том, чтобы выдернуть левую руку из незапертого браслета и вцепиться этой твари в горло. Но холодный, расчетливый разум Стюарта удерживал его мертвой хваткой. Одно лишнее движение — и его план побега, едва начавшись, превратится в смертную казнь. Он должен был доиграть эту извращенную партию до конца.

Лорен навалилась на него всей своей массивной, синюшной тушей, напрочь перекрывая кислород. Её тяжелая грудь,

мокрая от пота, вжалась в его исцарапанную железной щеткой грудную клетку, вызывая резкую, жгучую боль. Траурная кайма её грязных ногтей впиалась в его плечи, удерживая на месте.

Этот акт не имел ничего общего с человеческой близостью. Это было чистое, механическое доминирование, извращенный ритуал клеймения скота. Лорен брала его грязно, грубо, с хриплым, прокуренным сипом, полностью игнорируя состояние его пробитых ног. При каждом её движении штыри в голених Дэвиса смещались, разрывая едва схватившиеся мышечные волокна. Боль была такой силы, что перед глазами Стюарта плыли кровавые мальтийские кресты, но он заставил себя не издать ни единого крика слабости. Он лишь хрипел, симулируя покорность, пока эта сорокалетняя психопатка изливала на него свою безумную похоть, размазывая по его лицу липкий пот и ядовито-красную помаду со своих уродливых губ.

Когда всё закончилось, Лорен тяжело сползла с него, оставляя на его теле багровые кровоподтеки и грязные следы. Она поднялась, тяжело отдуваясь, и натянула обратно свое испорченное свадебное платье. В её мутных глазах теперь светилось сытое, животное удовлетворение. Она была уверена, что окончательно растоптала и присвоила себе городского пижона.

— Умница, Дэвис, — просипела она, вытирая рот тыльной стороной ладони. — Мамочка довольна. Теперь ты офи-

циально часть этой фермы. Отдыхай, зятек. Завтра я принесу тебе мазь для ног.

Она поднялась по лестнице, открыла засов и вышла, заперев дверь снаружи на массивный замок. Дэвис остался лежать впотьмах. Его тело горело от боли, кожа была покрыта чужой грязью и нечистотами, но внутри него звенела абсолютная, звенящая пустота. Он выдержал самое страшное унижение. И теперь, когда левая рука была свободна, а инструмент лежал в кармане, у него не осталось ни капли жалости к обитателям этого дома.

Глава 9: Ночная смена

Когда глухие, тяжелые шаги Лорен окончательно затихли на первом этаже дома, Дэвис Джексон Стюарт позволил себе закрыть глаза. На секунду его сознание попыталось провалиться в защитный обморок, но он жестко подавил эту слабость. Время работало против него. Животный ритуал сорокалетней сумасшедшей оставил на его теле не только физическую грязь, но и отчетливое понимание: его ресурс как живой игрушки тает с каждым часом. Либо он выберется в ближайшие дни, либо эта ферма пережует и выплюнет его останки в кукурузное поле.

Дэвис плавно вытянул левую кисть из незапертого стального браслета. Цепь тихо, едва слышно скользнула по его предплечью. Свобода движений сразу вернула ему ощущение контроля.

Он запустил пальцы в карман куртки и нащупал погну-тый тракторный штырь — его единственное оружие и ключ к спасению. На дворе стояла глубокая техасская ночь 1970 года. За тонкими подвальными перекрытиями стихли любые звуки: ни скрипа половиц, ни хрипа старого магнитофона. Бабы спали после своей кровавой семейной разборки и извращенного торжества. Они были абсолютно уверены, что их «городской жеребец» раздавлен, заклеямен и покорно ску-лит впотьмах.

Опираясь на левую руку и стараясь не задевать правым наручником бетон, Дэвис медленно перевернулся на живот. Вспышка боли в голених заставила его стиснуть зубы так, что послышался сухой хруст. Ткань холщовых повязок, которы-ми он стянул рваные раны, уже насквозь пропиталась липкой сукровицей. Ноги были мертвым грузом, но его руки и торс оставались сильными.

Дэвис пополз. Сантиметр за сантиметром, бесшумно, как змея, он волок свое тело по склизкому полу в самый даль-ний, неосвещенный угол подвала, куда тусклый свет качаю-щейся лампочки-сороковки долетал лишь блеклыми блика-ми. Наручники на правой руке он аккуратно придерживал пальцами, чтобы цепь не звякнула о бетон.

В углу, среди куч прогнившего тряпья и старых газет, Дэвис наткнулся на то, что искал. Сюда Лорен и её покой-ная бабка десятилетиями сваливали хлам, оставшийся от прошлых жертв. Пальцы Стюарта погрузились во влажную,

пахнущую плесенью ветошь. Он аккуратно разгреб верхний слой.

Его рука наткнулась на что-то твердое и холодное. Это был массивный железный ломик-гвоздодер, наполовину покрытый хлопьями ржавчины, и тяжелая, запыленная кожаная куртка, принадлежавшая кому-то до него. На груди куртки виднелись три ровные, продолговатые дыры — следы от вил или штыря. Прошлый «владелец» этой фермы явно закончил плохо.

Но для Дэвиса гвоздодер был бесценным подарком. С таким рычагом он мог не просто вскрыть замок на правой руке, но и раздробить череп любой из этих тварей, когда они спустятся сюда в следующий раз.

Дэвис аккуратно перетаскил тяжелое железо ближе к своему постоянному месту у водопроводной трубы, спрятав ломик под слой гнилой соломы так, чтобы сверху ничего не было видно. Затем он вернулся в прежнее положение, продел левую руку обратно в незапертый браслет наручников и замер, уставившись мертвым взглядом в потолок.

До рассвета оставалось всего несколько часов. Раскол между матерью и дочерью, их дикая ревность и уверенность в своей полной победе давали ему идеальное пространство для маневра. Дэвис Джексон Стюарт был готов к финальной фазе этой ебанутой игры.

Глава 10: Ревность и сталь

Рассвет 1970 года окрасил щели в дубовой двери грязно-серым цветом. В подвале было холодно, но Дэвис лежал неподвижно. Его левая рука симулировала плен в разомкнутом браслете, а пальцы правой руки, скрытые кучей гнилой соломы, ощущали спасительную тяжесть заржавевшего ломика-гвоздодера. Наверху послышался резкий, быстрый скрежет засова. Шаги были легкими, торопливыми — спускалась Сьюзен.

Она вошла в подвал без матери. В руках девчонка держала тяжелую стеклянную банку со свежим коровьим молоком. На её лице, лишенном вчерашней косметики, отчетливо проступил багровый след от удара Лорен. Губы были сжаты в узкую, нитку, а в глазах горела бешеная, извращенная обида.

Сьюзен подошла вплотную, швырнула банку на бетон прямо у его колен и резко опустилась перед Дэвисом на колени. Из неё пахло парным молоком и кислым потом.

— Она думает, что забрала тебя, да? — прошипела Сьюзен, хватая Дэвиса за воротник куртки и с силой встряхивая его. Её ногти глубоко впились в его шею. — Старая сука думает, что если она хозяйка фермы, то имеет право на всё. Я видела, как она выходила отсюда вчера. Слышала её жирный, довольный смех!

Дэвис не сопротивлялся. Он позволил её рукам трясти свое тело, глядя на неё затуманенным, покорным взглядом сломленного раба. Он знал: сейчас Сьюзен находится на пике своей безумной, деструктивной ревности, и этим нужно

пользоваться.

— Сьюзен... — тихо, с надрывом прошептал он, симулируя крайнюю степень истощения. — Она... она заставила меня. У меня не было выбора. Она угрожала отрубить мне ноги топором. Мне противно вспоминать это... Ты — моя единственная жена. Твой ребенок внутри тебя — вот что для меня важно.

Эти слова подействовали на девчонку как наркотик. Её безумное лицо мгновенно разгладилось, губы расплылись в уродливой, торжествующей улыбке. Она приблизилась к его лицу, шумно вдыхая его воздух, и сильно ударила его ладонью по щеке — не от злости, а в порыве дикого, собственного доминирования.

— Конечно ты мой, городской мальчик! — бешено зашептала она, впиваясь своими разбитыми губами в его рот, размазывая кровь и слюну по его подбородку. — Мама старая. Её время вышло. Она скоро сдохнет, Дэвис. Скоро эта ферма, этот подвал и ты станете только моими! Я подсыплю ей кое-что покрепче мышьяка в её вечерний виски. Она уснет и больше не проснется. А потом мы с тобой заживем как настоящая американская семья.

Дэвис покорно кивал, с трудом сдерживая рвотный рефлекс от её поцелуев. Физическое давление Сьюзен становилось невыносимым: она навалилась на его грудь, заставляя цепь над головой натянуться, и начала грубо, методично шарить руками по его карманам, проверяя, не припрятал ли «её

жеребец» чего лишнего. Её пальцы прошли в паре дюймов от того места под соломой, где лежал ломик. Дэвис замер, его сердце сделало мощный удар, но девчонка была слишком увлечена своим триумфом над матерью, чтобы заметить подвох.

Она поднялась с колен, вытерла рот тыльной стороной ладони и брезгливо пнула банку с молоком ближе к его лицу.

— Пей, Дэвис. Набирайся сил. Сегодня вечером мамочка Лорен уйдет на покой, а завтра мы начнем лечить твои ножки.

Сьюзен резко развернулась и быстрыми шагами взлетела по лестнице вверх, оставив дубовую дверь приоткрытой на пару дюймов — она так торопилась вернуться в дом, чтобы приготовить для матери смертельное варево, что забыла про тяжелый засов.

Дэвис Джексон Стюарт медленно вытащил левую руку из наручника. В его глазах больше не было покорности. Свободными пальцами он потянулся под солому и крепко сжал холодную, ржавую сталь ломика. Время пришло. Бабы заигрались в свою извращенную власть, и эта ночь станет для них последней.

Глава 11: Ползучая тварь

В доме над головой Дэвиса воцарилась зловещая, липкая тишина. Техасский ветер 1970 года с силой швырял сухие ветки кукурузы в деревянные стены фермы, заглушая любые

мелкие звуки. Стюарт выждал еще полчаса, мерно отсчитывая удары пульса. Время пришло.

Он решительным движением выдернул левую руку из незапертого браслета. Металлическая дужка тихо звякнула. Затем Дэвис перехватил тракторный штырь правой рукой, вставил его в замочную скважину правого наручника и резко провернул вверх. Старая пружина поддалась со второй попытки.

Щелк.

Оба браслета со скольльзящим звуком упали на грязный бетон. Дэвис впервые за всё время плена был полностью свободен от цепей. Его руки, покрытые глубокими ссадинами и засохшей грязью, налились тяжелой, предсмертной силой.

Он аккуратно вытащил из-под гнилой соломы ржавый ломик-гвоздодер. Металл приятно охлаждал ладонь. Оружие было на месте. Ноги по-прежнему оставались мертвым, горящим адским пламенем грузом, но тугие холщовые повязки держали рваные мышцы. Дэвис перевернулся на живот и, опираясь на локти и предплечья, пополз к лестнице.

Каждый дюйм давался через зубовой скрежет. Он волок свои пробитые ноги по склизкому бетону, оставляя за собой широкий, темный след. Боль пульсировала в такт ударам сердца, выжигая глаза багровой пеленой, но Стюарт двигался вперед с упорством раненого хищника. Поднявшись к первой деревянной ступени, он закинул ломик за пояс куртки и начал подтягивать свое тело вверх, ступенька за ступе-

ней.

Гнилое дерево жалобно скрипело под его весом. Дэвис замирал после каждого движения, вслушиваясь в темноту за приоткрытой дверью. Бабы не заперли засов — Сьюзен была слишком занята своим извращенным планом по устранению матери.

Когда до верхней площадки оставалось всего три ступени, из глубины темного коридора дома раздался жуткий, надрывный хрип. Дэвис замер, намертво вцепившись пальцами в края деревянной доски.

— Ты... мелкая... сука... — донесся до него удушливый, клокочущий голос Лорен.

Следом послышался грохот разбитой посуды. Похоже, Сьюзен всё-таки подлила отраву в ночной виски матери, но старая техасская фурия оказалась крепче, чем думала девочка. Наверху началась финальная, смертельная фаза их семейного перформанса. Лорен умирала, но она собиралась забрать дочь с собой.

Дэвис Джексон Стюарт подтянулся на последнюю ступень и аккуратно толкнул левой рукой тяжелую дубовую дверь подвала. Она бесшумно подалась вперед, открывая ему вид на узкий, залитый блеклым лунным светом коридор американской фермы.

Глава 12: Кровавый анабиоз

Дэвис Джексон Стюарт перевалился через верхний по-

рог подвала, оказавшись на дощатом полу коридора. Воздух здесь был другим — сухим, пропитанным запахом старых обоев, пыли и застарелого жира, но после смрада бетонной коробки он казался Стюарту чистейшим кислородом. Ломик-гвоздодер привычно давил на поясницу. Дэвис затаил дыхание, прижавшись грудью к половицам, и огляделся.

Дом тонул в глубоких лунных тенях. Из приоткрытой двери кухни, расположенной в конце коридора, доносился прерывистый, удушливый сип.

— Думала... самая... умная... — клокотал голос Лорен. Каждое слово давалось ей с диким трудом, изо рта старухи явно шла пена вместе с мышьяком. — Я тебя... породила... я тебя и прирежу...

Следом раздался глухой, отчаянный визг Сьюзен, который тут же оборвался хрипом. Старая техасская фурия, умирая от яда, умудрилась подмять под себя девчонку. Лорен действовала на чистых животных инстинктах, навалившись на дочь всей своей массивной, синюшной тушей — точно так же, как вчера она доминировала над прикованным Дэвисом в подвале.

Стюарт, опираясь на локти, методично и бесшумно пополз по коридору вперед, навстречу этому смертельному хрипу. Пробитые ноги волочились сзади, как сухие ветки, оставляя на старом ковре темную, влажную дорожку. Боль в голенях превратилась в монотонный, белый шум, который больше не мог его остановить. Его разум был абсолют-

но чист. Эти две извращенные твари уничтожали друг друга, освобождая ему дорогу, и Дэвису оставалось лишь нанести финальный, милосердный удар.

Он подполз к самому дверному проему кухни и заглянул внутрь.

Картина в лунном свете выглядела как финальный аккорд их безумного перформанса. Лорен в своем разорванном, покрытом грязью свадебном платье лежала на полу, широко разведя колени и придавив Сьюзен к кухонным доскам. Её массивные руки с грязными ногтями намертво сжимали тонкую шею дочери. Лицо девчонки уже посинело, глаза выкатились из орбит, а пальцы судорожно и слепо скребли по серой коже материнского предплечья. Рядом на полу валялась разбитая бутылка из-под виски и перевернутый мясной топор.

Лорен медленно повернула голову на шорох в дверях. Из её рта струилась черная, вязкая жижа, но когда её мутные глаза встретились со спокойным, ледяным взглядом Дэвиса, в них на секунду вспыхнуло дикое, животное удивление. Она увидела, что его руки свободны.

— Ты... — прохрипела старуха, пытаясь ослабить хватку на шее дочери и потянуться к топору.

Дэвис не стал ждать. С молниеносной скоростью он выхватил из-за пояса тяжелый ржавый ломик. Опираясь на левую руку, он сделал мощный, взрывной рывок вперед всем торсом и с размаху вогнал острый, загнутый конец гвоздоде-

ра прямо в затылок Лорен.

Раздался сухой, отчетливый хруст пробитой кости. Тело сорокалетней психопатки мгновенно обмякло и тяжелым, безжизненным мешком рухнуло на Сьюзен, окончательно придавив девочку к полу. Дэвис рванул ломик на себя, освобождая оружие. Финал первой фазы был завершен. Хозяйка фермы была мертва. Но под её обмякшим телом Сьюзен всё еще судорожно и мелко ловила ртом воздух.

Глава 13: Поцелуй битого стекла

Сьюзен хрипела, зажатая под мертвой тушей своей матери, и Дэвис Джексон Стюарт на секунду поверил, что этот кошмар провинциальной Америки 1970 года близится к финалу. Ломик в его руке был тяжелым, липким от крови Лорен. Дэвис начал переносить вес тела на локти, собираясь навалиться вперед и закончить то, что начал.

Он не учел одного — абсолютного, не поддающегося никакой логике адреналина шизофрении.

Сьюзен, чье лицо уже стало сине-багровым от удушья, вдруг распахнула глаза. В этих остекленевших зрачках не было страха перед смертью или скорби по матери. Там полыхнуло такое бешеное, извращенное торжество, от которого у Стюарта похолодело внутри. Девчонка каким-то невероятным, змеиным движением вывернула правую руку из-под массивного плеча трупа Лорен.

Ее пальцы слепо мазнули по полу и наткнулись на толстое

доньшко разбитой бутылки из-под кукурузного виски.

Дэвис успел лишь заметить, как в лунном свете мелькнул рваный стеклянный край. Он попытался выбросить вперед руку с ломиком, но из-за пробитых, неподвижных ног его телу не хватило опоры для быстрого маневра.

Хруст. Вспышка.

Тяжелое стекло с размаху врезалось ему точно в левый висок. Звук удара отозвался в черепе сухим, оглушительным эхо. Тысячи раскаленных игл вонзились в мозг, лунный свет в кухонном проеме мгновенно свернулся в узкую, грязно-белую точку, а затем сознание Дэвиса Джексона Стюарта окончательно рухнуло в ледяную, бездонную черноту.

Пробуждение было жутким. Не было ни постепенного возвращения чувств, ни тепла. Дэвиса словно швырнули со скалы прямо в ледяную воду.

Первое, что он почувствовал — под спиной была не жесткая, склизкая бетонная плита подвала, а старый, продавленный пружинный матрас. Воздух вокруг был удушливым, спертым, до краев наполненным сладковатым, тошнотворным ароматом дешевых цветочных духов, который пытался заглушить другой, куда более страшный запах. Запах сырого, начинающего подгнивать мяса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.